

A black and white photograph of a narrow city street. Several cars are parked along the sides of the road. In the center of the street, a person is walking away from the camera towards the background. The buildings on either side are multi-story and appear somewhat weathered. The overall mood is somber and contemplative.

Василий ВОРОН

Три капли ясности на стакан неизвестности

16+

Василий Ворон
Три капли ясности на
стакан неизвестности

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50755347
SelfPub; 2020*

Аннотация

Три новеллы, каждая из которых имеет мистическую тайну.
Главной героине удастся найти разгадку каждой из них.

— Мам, мы гулять! — крикнул Жека в дверь, откуда доносились возбужденные голоса и звон бокалов. В ответ раздалось:

— Только с территории ни шагу! Спать скоро. В саду гуляйте.

— Ладно, — отозвался Жека, и все двинулись за ним и когда уже шли по дорожке, выложенной плитам вокруг дома, он сказал: — Увидите — обалдеете.

— Он у тебя на дереве? — тут же спросил Денис.

— Нет. На дереве мама не разрешила. Он в кустах, — Жека обернулся и окликнул Машу: — Эй, не отставай.

— Я не отстаю, — отозвалась из сумерек Маша.

— Не бойся. У нас собаки нет.

— Я не боюсь собак.

— А кого боишься?

— Никого.

Жека хмыкнул, но больше ничего не сказал. Денис остановился, подождал Машу и взял ее за руку. Он хоть и был старше, но с девчонками ладил запросто. Она не стала высвобождать руку и они обогнули дом вслед за Жекой.

— Эй! — позвал он. — Чего отстааете?

— А ты не убегай.

Он стоял на краю клумбы с розами и нетерпеливо шмыгал носом.

— Сам строил? — спросил Денис, когда они поравнялись.

— Не, папка помогал. Зато дом — во! — Жека показал боль-

шой палец, залепленный пластырем, и они двинулись дальше.

— Осторожно только. В клумбу не наступите. Мама за-
ругает...

В саду пахло перекопанной землей и из мангала тянуло
догорающими углями. Где-то в кустах орал сверчок.

— Сюда, — позвал Жека и свернул к кустам сирени. За
ветками обнаружился пятачок земли между забором без
клумб, грядок и деревьев и там стояла будка с плоской кры-
шей, сверкая в сумерках свежеструганными досками. Жека
нагнулся, отворил дверку и первый залез внутрь, громяхая
коленями по деревянному настилу. Денис отодвинулся, да-
вая Маше дорогу. Она была в джинсах и потому довольно
ловко забралась в домик. Последним залез Денис.

— Дверь закрой, — сказал из угла Жека. — Там крючок.

— Нашел, — отозвался Денис, а Маша сказала:

— Темно же.

— Ща.

Жека повозился и вдруг в домике стало светло. Денис за-
моргал глазами и когда они привыкли к свету, увидел в ру-
ках Жеки большой электрический фонарь. Тот приладил его
на крюке в углу, и теперь все в домике стало видно. Втроем
здесь было совсем не тесно. Потолок располагался низкова-
то, но если сидеть на скамейках, прилаженных вдоль стен,
то даже над головой Дениса еще оставалось место разме-
ром с кулак. Здесь оглушительно пахло свежими досками, и

было очень уютно.

— Ну что? — спросил довольный Жека. — Нравится?

— Ага, — ответила Маша. — Кукол здесь нянчить...

— Да ну! — отмахнулся Жека. — Скучища. Лучшие в разведчиков играть.

— Давайте во что-нибудь другое, — примирительно сказал Денис: он понимал, что Маше скучно играть в разведчиков.

— А что тогда? — удивился Жека и шмыгнул носом, и теперь хорошо стало видно свежую ссадину на его коленке. Денис выглянул в дыру, служившую единственным окном домика. Где-то в стороне раздавался смех и неясно бубнили голоса взрослых. Денис попробовал задраить голову и увидел в просвете между ветками сирени остро отточенную секиру месяца. Он втащил голову обратно и сказал:

— Давайте страшные истории рассказывать.

— Точно! — обрадовался Жека. — Все равно в разведчиков играть уже темно. Чур я первый!

— Ладно, — согласился Денис, а Маша просто кивнула.

— Так вот, — начал Жека, делая страшные глаза, но скопил их на фонарь и задумался. — Погодите. Так слишком светло.

Он снял фонарь с крюка, и вслед за этим вновь наступила тьма. За окном стало видно, как месяц серебрит ветки сирени. Жека громко шмыгнул носом и тут фонарь замигал красной лампой.

— Ух ты, — прошептала Маша. Теперь в домике было

именно так, как требовалось для страшных историй.

– Так вот, – повторил довольный Жека и снова сделал страшные глаза. – В дремучем лесу на полянке стояла черная изба. Всё внутри избы было черным: и пол, и потолок, и мебель. Даже холодильник был черным. А на подоконнике в горшке рос фиолетовый цветок...

Капля первая:

Фиолетовая стрела

Цветок этот появился в приемной полтора года назад. Его приволокла бледная и растерянная Светка из отдела аренды и умолила Милу приютить растение.

– Дома не помещается? – спросила Мила, но Светка шутку не услышала, куда-то торопилась и клятвенно заверила, что расскажет обо всем потом, когда «эта круговерть рассосется».

Растение сидело в довольно большом горшке, представляя собой куст из широких и длинных листьев темно-зеленых по краям и с бледно-желтыми иззубренными полосами посередине, из-за чего его легко можно было принять за аглаонему, если бы не стреловидный цветок сиреневого цвета, торчащий из самого центра куста. Стрела уже подвядла и было ясно, что пора цветения подошла к концу. Мила со знанием дела исследовала грунт в горшке, само растение, полила его из офисной лейки цвета беж (в тон шкафу и столу) и вернулась к своим делам.

Светка же так и не вспомнила о своем обещании расска-

зять о причинах, сподвигших ее принести цветок Миле, круговорот, вероятно, не рассосалась, а то и выявилась новая, ибо как раз в то время начались хороводы вокруг арендаторов и у них в отделе было все так непросто, что Светка если и появлялась в приемной, то лишь по служебным надобностям и не иначе. К слову, Мила и сама позабыла про цветок (одним больше на подоконнике, дело привычное), не забывая, впрочем, поливать и вообще всячески холить вместе с остальными.

В приемную солнечно заглядывала весна, орали птицы и шум за окном вообще как-то приблизился, как это бывает всякую весну, когда грязная вата сугробов сходит на нет, делая все звуки – от тарактения машин до ора кошек – близкими и заслуживающими внимания. И если всегда по весне на душе у Милы было легко и радостно, то нынче – после недавнего развода – наоборот. И потому те же кошачьи концерты раздражали невыносимо.

Это было затишье на работе: когда шеф еще не пришел, и не нужно было готовить ему кофе, и нести на подпись приказы, и доставлять на край огромного стола достойную внимания почту, и так далее в том же духе. Стоявший в приемной телевизор работал, но Мила не вникала в тонкости выбора настоящего сливочного масла, во всех подробностях расписываемые в передаче «Контрольная закупка». В душе царил вялость и даже апатия.

Аккуратно распахнутая дверь (мягко и в то же время ре-

шительно) заставила ее осознать, что она бездумно пялится в страницу Одноклассников. Немедленно свернув ее от греха, Мила увидела явившегося зама шефа. «Только тебя мне сейчас не хватало», – мелькнуло вполне осмысленное.

Всеволод Вячеславович (имя, словно речевая разминка) был назначен советом акционеров недавно. Бывший офицер (или бывших не бывает?), молодой и красивый, в безукоризненном костюме (шит на заказ), в галстuke минимум за триста евро в тон рубашке, с алмазной бусинкой в золотой заколке, ботинки элегантно поскрипывают и блестят как лакированный бок его же лимузина. Поговаривали, что полковник. Галстук, кстати, завязан самостоятельно – Мила могла бы поспорить, ибо узел каждый раз был разным по форме и, как и всё, безукоризнен. Она и сама могла завязать галстук, но такое разнообразие форм ей было недоступно. Прямо не Всеволод Вячеславович, а Эраст Петрович. А вот туалетная вода его была Миле просто омерзительна. Но вовсе не из-за этого был этот Всеволод Вячеславович ей неприятен. Что-то ее раздражало. Не роскошь и удачная карьера, и даже не то, что давно и безнадежно женат. На заводе был он новичок, занимался неизвестно чем, и за это получал весьма нехилую (по слухам, заслуживающим доверия) зарплату. Это, конечно, не могло не раздражать, но все же дело было не в том. Было в нем нечто (типа ложки дегтя в бочке известного чего), делавшее его для Милы невыносимым субъектом. Она даже была равнодушна к нему как к мужчине – обычные домыслы

«интересно, каков он в постели» в голову ей не приходили. Никто из женского коллектива Милиной этой неприязни не разделял. Девки млели и блистали офисными нарядами ради него. А вот она – нет. Не то чтобы не блистала – уж это у нее в крови, – просто не принимала она его, никак не принимала. Может быть из-за того, что чувствовала угрозу своему шефу? Может, ведь поговаривали, что быть ему вскоре генеральным. Но и все же – не только поэтому. «Ну, не нравишься ты мне!» – как в анекдоте. И все тут.

Всеволод Вячеславович холодно улыбнулся Миле и осведомился (именно осведомился, а не спросил):

– Николай Андреевич у себя?

– Обещал быть во второй половине дня, – в тон ответствовала Мила, принимаясь перекладывать на столе приказы и другие бумаги, создавая видимость занятости и ожидая, когда он уйдет. Однако товарищ полковник и не подумал убираться восвояси. Он пересек приемную наискосок, от двери влево и стал у окна. Мила не видела, но знала, куда именно он смотрит. Там, внизу, в нескольких метрах от забора с металлической колючкой наверху, зеленели две липы, старые, кряжистые, но все еще крепкие. Мила покосилась в его сторону. Зам стоял у окна памятником самому себе: уверенный, спокойный, прямой, со сложенными позади, на пояснице, руками. Капитан «Титаника». Нет, репетирует свою будущую роль Главного. Уволюсь к чертовой матери, подумала Мила. Не стану ему кофе носить и бумажки под-

готовавливать. Аромат ненавистного парфюма (наверняка тоже дорогого) достиг ее стола. Товарищ полковник, наконец, повернулся от окна (по военному, мысок-каблук, но мягко и, опять же, решительно) и сказал:

– Людмила, вызовите ко мне Алексея Львовича из отдела аренды, пожалуйста.

– Хорошо, Всеволод Вячеславович.

Он шел к двери, а она смотрела на его идеально постриженный затылок и отлично знала, зачем ему понадобился Львович. Опять «расширение площадей, сдаваемых в аренду». Завод его не интересовал, продукция – между прочим, уникальная и необходимая тому же ВПК – тоже. Все эти акционеры жаждали одного – развалить старейший московский завод и на его месте выстроить очередной развратно-развлекательный комплекс с кинотеатрами, бутиками, ресторанами... А пока раздать все, что можно своре арендаторов. И что нельзя, тоже раздать. Была бы его воля, он и приемную отдал бы под какой-нибудь офис какого-нибудь турагентства.

Когда дверь за товарищем полковником закрылась, и шаги лакированных туфель стихли, Мила не выдержала, вскочила с кресла, и, схватив папку для докладов, яростно принялась гонять по приемной воздух, стараясь немедленно избавиться от ненавистного запаха. А потом долго стояла у окна. Внизу, посередине клочка земли зеленели две липы. «Ничего. Не осмелится. Городские экологи живьем съе-

дят», – подумала она, очень стараясь поверить в это.

Во время обеда Мила отловила в столовой Светку на предмет разузнать, что сказал товарищ полковник Львовичу.

– Все то же. Велит чуть ли не тендер разыгрывать среди потенциальных арендаторов. Просил «форсировать этот вопрос»: кто перспективный партнер, бла-бла-бла и все такое. Армян, скорее всего, возьмем. Они давно клянчат место под шиномонтаж и еще какую-то ерунду. А что? Думаешь, спилит?

– Боюсь, что спилит. Жалко их. Зеленые уже стоят... – Мила отхлебнула морсу из стакана, чтобы протолкнуть комок в горле.

– Ладно тебе, Люд, – примирительно сказала Светка. – Родные они тебе, что ли?

– Родные, – отрезала Мила. – Уж кому-кому, но не этому уроду их пилить.

– Так уж и урод... – завела было известное Светка, но Мила уже вскочила и буркнула на ходу:

– Побегу. Шеф скоро явится.

Шеф не явился. Слава богу, и товарищ полковник тоже не давал о себе знать, а уже в начале четвертого его «лексус» исчез со стоянки. «В заботах аки пчела», – усмехнулась Мила. Уже под занавес рабочего дня в приемную заскочил начальник механического, был извещен об отсутствии Главного и напоследок доверительно сообщил, что завтра будут

«гнать фасонку», это вредно, и потому вечером, дома, нужно немедленно накатить сто пятьдесят коньяку – ускоряет процесс вывода ядов. По его виду следовало, что завод гонит фасонку по все дни с самого открытия.

Выезжая с территории, Мила бросила взгляд на безмятежно веселые верхушки лип – неужто последние деньки настали для них?

Утром как обычно Мила жутко опаздывала. От мыслей, какую именно блузку надеть к этой юбке и стоит ли эту самую юбку вообще надевать, и не слишком ли длинен каблук для езды в течение пяти минут до работы ее отвлек звонок по мобильному. Доскакав на одной ноге до сумки (на другой была уже надета туфля), Мила вытряхнула все ее содержимое на пол, распознала среди образовавшейся груды телефон и с ужасом увидела, что звонит шеф.

Звонил он вовсе не ради интереса, где это пропадает до сих пор его помощник, а потому, что обнаружился у него форс-мажор, на работе его ни сегодня, ни, вероятно, завтра не будет, ибо он уже в пути к каким-то своим родственникам, потому что у них... И все в этом духе. В итоге Мила не спеша разобралась, в чем именно следует идти на работу и опоздала всего на каких-то двадцать минут.

Если шефа не было, то половина всех дел немедленно улетучивалась вместе с ним. Впрочем, на этот раз особой радости Мила не испытывала. Потому как, прибыв на рабо-

чье место, согласно полученным инструкциям, немедленно проинформировала товарища полковника о том, что сегодня делами завода рулит именно и только он. Говорила она с ним по внутреннему телефону, но все равно почувствовала (при всегдашней его сдержанности), как несказанно рад этому обстоятельству Всеволод-вячеславович-во-дворе-трава-на-траве-дрова.

Через час прискакала Светка и сообщила, что победителями упомянутого тендера стали армяне, прислав представителя немедленно и именно так, как того требует древний восточный ритуал вхождения к большому человеку – будучи отягощенными дорогими дарами и уверениями в наивысшем почтении и т.д. Принял представителя лично товарищ полковник, сделав это, правда, не у себя в кабинете, но прямо в отделе аренды, а потом скрылся в неизвестном направлении.

– Для тендера чересчур быстро, – хмуро высказалась Мила, на что Светка заметила:

– Да армяне давно суетились. Наверняка с их подачи он все это и продвигает.

– Мелковато для зама. И вообще. Что-то тут не все так просто, – тихо выговорила Мила и добавила еще тише: – Полуфабрикат олигарха...

Светка, стоя у стола Милы, наклонилась к ней ближе и прошептала, округлив для убедительности глаза:

– Слушай, Люд, ты-то чего напрягаешься? Что тебе, в кон-

це концов, эти две липы? Свет клином на них сошелся? Разругаешься с ним вдрызг, а ему, судя по всему, быть генеральным. А?

Мила заглянула во все еще круглые глаза Светки и ответила нормальным голосом, без всяких шептаний:

– Да достали эти торгаши. На женщин еще кивают, что себя, мол, продают, на шмотки-цацки-квартиры ведутся. А сами еще хуже делают. Родиной торгуют. Пидарасы...

После обеда Мила не спеша шла к себе в приемную, когда в коридоре заметила товарища полковника и Львовича. Они стояли у окна, из которого тоже были видны две липы, и Мила услышала, как зам убедительно вещал:

– ...боюсь, придется частями, могут повалиться не туда. Далее корчем пни и имеем целых сто квадратов, не отягощенных больше ничем. Далее снимаем вон те секции забора – двух будет вполне достаточно – и принимаем на баланс еще одну площадь аренды.

Мила шла по коридору к двери в приемную и с каждым шагом-словом закипала словно чайник. Понимала, что горючиться нельзя, но, почти пройдя мимо, ее ноги сами собой остановились и развернули ее к товарищу полковнику. Не извиняясь за вмешательство в разговор, она сказала так:

– Да как вам... – чуть не сорвавшись на личности, Мила в последний момент затормозила и выдала другое, но не менее прочувствованно: – Да вы не представляете, Всеволод Вячеславович, что тут поднимется, когда эти два несчастных де-

рева будут спилены.

Он стоял, полуобернувшись к ней, и смотрел равнодушно, будто директор школы на некстати встрявшего в серьезный разговор первоклашку, но молчал. Львович, пользуясь тем, что зам его видеть не мог, делал Миле страшные глаза, но все без толку – ее было не остановить.

– ... у нас в прошлом году в тополь молния попала, так нас замордовали комиссиями, такими штрафами грозились, Николай Андреевич за голову хватался, не знал, как от них отбиться и ведь это...

– Успокойтесь, Людмила. С этими страшными людьми, специалистами по зеленым насаждениям города Москвы я обещаю разобраться лично, – мягко, но настойчиво перебил ее товарищ полковник, недвусмысленно выделив слово «зеленым». Весь пар из Милы тотчас вышел, она неловко повернулась и пошла к двери, совершенно не отдавая себе отчета, как жалко и нелепо сейчас выглядит, и что двое мужиков, между прочим, смотрят ей вслед, а она совершенно не обращает на это внимания, тогда как любая женщина в такой ситуации непременно сделает так, что будут стоять и смотреть до тех пор, пока не скроется из виду последний краешек ее юбки.

Она добрела до кресла, и даже не села в него, а опустилась, как первокурсница на краешек бульварной скамейки, опасаясь меток голубей. В душе роилась бессильная злоба. Ничего этому красавцу не помешает, все бесполезно, только

такие люди и остались в несчастной обесстыженной Москве, все им сходит с рук, и деньги так и липнут к этим мерзавцам.

Она совсем не заметила, как этот самый мерзавец вошел в приемную и, став у того же окна, что и вчера, сказал – вполне миролюбиво и примирительно, – начав с уменьшительно-ласкательного, чего ни разу еще по отношению к ней себе не позволял:

– Людочка, все отдают себе отчет, что вырубка деревьев ради наживы не есть богоугодное дело. Но вы наверняка слышали, что правительство Москвы намерено перенести все заводы за черту города именно из-за скверной экологической обстановки, которую создают они же. Да, через несколько лет на этом месте будет какой-нибудь огромный торговый центр, и это даже не моя личная прихоть. И тогда все деревья на этой территории, – он махнул рукой на пейзаж за окном, – будут выкорчеваны. Здесь будет вырыт огромный котлован для фундамента и трехуровневой подземной парковки, а что до деревьев, то их привезут из других мест и высадят вокруг нового здания. Что же делать нам, простым...

Он не договорил. Потому что Мила поднялась из кресла и начала надвигаться на него. Бывший муж очень боялся ее в такие моменты, словно разъяренную кошку, поэтому даже товарищ полковник несколько попятился к подоконнику.

– Иная простота хуже воровства, – голос ее был тих, и поневоле к нему приходилось прислушиваться. – Что вам эти деревья, когда вас интересует другая «зелень». Вы давно за-

были, что значит слово «богоугодный». Вы перешагнете не только через дерево, вы человека не заметите, если он не одет так же как вы и не ездит на том, на чем ездите вы сами. Вы хоть знаете, какой была Москва всего несколько лет назад? Да вы же понаехали сюда, вам наплевать на этот город, вы как шлюху его пользуете и выглядит он, поэтому, как шлюха – размалеванный, гогочущий, смердящий...

Она не замечала, как слезы катятся по щекам и тушь больно щиплет глаза, она боялась сейчас только одного – чтобы голос не сорвался, не поплыл вслед за косметикой, не захлебнулся.

– А я помню *мою* Москву – тихий, славный город, город моего детства, город, где мама – живая еще мама! – брала меня за руку и мы гуляли везде, не боясь всякой похотливой швали! Где не убивали стариков из-за квартир, и где человек в форме вызывал уважение. Где...

Голос все-таки поплыл и она разрыдалась, стоя вплотную к заму, обескураженному и даже подавленному. Мила обхватила лицо ладонями, отвернулась от товарища полковника и, когда смогла снова говорить, произнесла на удивление твердо лишь одну фразу:

– Уходите.

Когда она осталась одна, то первый делом заперла дверь, чтоб не дай бог кто-нибудь еще не увидел ее в таком состоянии, а потом долго стояла у окна, и свидетелями разводов на ее пунцовом лице с опухшими глазами были растения в

горшках. Им не возбранялось видеть плачущую женщину.

Рабочий день прошел как в тумане. Регулярно звонила Светка, сообщала о событиях. Об очередной беседе товарища полковника с Львовичем (с глазу на глаз, без озвучивания тезисов). О том, что началась возня у забора (Мила видела в окно, как мужики из ремонтно-механического бродили вокруг лип, негромко и уныло переговариваясь, пока не подошел к ним начальник цеха, после чего даже сквозь стекло стало слышно известный посыл «к ... матери!» и все временно разошлись). Потом под липами топтался начальник транспортного участка Загудин и нервно что-то объяснял, перемежая активную жестикуляцию разведением рук в стороны товарищу полковнику, стоявшему рядом неколебимо, как вкопанный. Мила надеялась, что позвонит шеф, чтобы хоть ему поплакаться о творящемся беспределе, но он не позвонил. Об этом же осторожно выспрашивал и зашедший как бы случайно в приемную Львович, старательно избегавший смотреть в покрасневшие глаза Милы (известно, для кого справлялся, но на него она в обиде не была). Уже под самый конец рабочего дня, когда Мила уже собиралась уходить, позвонил товарищ полковник и холодным тоном обиженного праведника попросил срочно заготовить пропуск на завтрашний день для «подъемника гидравлического для доставки людей и оборудования на высоту до 22м (автовышка) на базе автомашины ЗИЛ», госномер такой-то. Мила запи-

сала все это в рабочий блокнот, неразборчиво буркнула что-то в трубку, но даже не подумала сделать это сегодня. Обойдется. Все равно на завтра...

Завтра, как всегда, опаздывая, Мила услышала звонок мобильного. На этот раз звонил товарищ полковник и по прибытии на рабочее место просил сделать две вещи: принести ему на подпись пропуск и написать объяснительную по поводу ее, Милы, опоздания. Настроение было сразу испорчено, в итоге чего Мила пришла на работу в начале десятого, что не случалось с ней еще ни разу.

Чтобы успокоиться, она сразу взялась за лейку и, только подойдя к подоконнику, обнаружила перемены. Растение, которое когда-то принесла Светка, зацвело. Как и полтора года назад, из самой середины его торчала стрела фиолетового цвета. И за прошедшую ночь она вымахала до размеров, которых иные подобные цветы достигают за неделю.

– Да ты просто спринтер какой-то, – удивленно сказала она цветку (фраза, для любого мужчины, кроме спортсмена, кажущаяся огромным оскорблением) и немедленно сфотографировала его на мобилу, как поступала со всеми своими растениями в период цветения: и домашними, и офисными.

К действительности ее вернул звонок телефона.

– Что вы копаетесь? Я жду пропуск, – загрохотал в трубке голос товарища полковника.

– Он еще не готов. Я принесу, как только... – как можно

спокойнее ответила Мила, и брякнула трубку, так и не закончив фразу.

Шаблон вордовского документа «propusk.doc» слепил белым полем глаза и буквы слова «гидравлического» никак не хотели выстраиваться нужным порядком.

Достав листок из принтера, Мила шарахнула в угол печать и поплелась вон из приемной.

Кабинет товарища полковника находился этажом ниже, и на лестнице Мила чуть не грохнулась, будто разучилась ходить на шпильках. Ее подхватил системный администратор Тимур, оказавшийся рядом и которого она, к стыду, совершенно не заметила.

– Ты чего, Люд? – спросил он. – На тебе лица нет.

– Не успела накраситься, – автоматически выдала Мила и пошла дальше.

Даже не постучав, она открыла дверь в кабинет и вошла.

Кабинет товарища полковника был даже больше, нежели кабинет генерального. Но было в нем как-то пусто и неуютно. Нет, здесь присутствовал и огромный стол, и застекленные шкафы и даже стеллаж с образцами продукции. Но пустым он казался не потому. На столе кроме монитора, клавиши, мыши и телефона с самого края больше ничего не было. Ни писчего прибора, ни визитницы, ни даже листа бумаги. Не было на нем и того, чем всякий человек заполняет подобное официальное пространство, делая его обжитым, близким: фотографий жены, детей, друзей и коллег. Обита-

тель этого кабинета совершенно недвусмысленно давал понять, что долго тут не задержится.

Мила приблизилась к столу и положила на его край лист пропуска. Товарищ полковник достал откуда-то неожиданно потрепанную бумажку и принялся сверять текст с видом главнокомандующего, склонившегося над картой с направлением главного удара. Вскоре он поднял на Милу ледяной взгляд и, тыча пальцем в пропуск, произнес:

– Вы что, не проверяете? Не 35, а 53!

Мила почувствовала, что краснеет, ибо такой промах был для нее недопустим и стыден. Тут телефон на краю стола разразился отвратительным дрязгом, лишний раз подтверждая временное нахождение в этих стенах товарища полковника. Всеволод Вячеславович схватил трубку, и сразу стало ясно, что звонка этого он ждал, и если все предыдущее было для Милы лишь первыми каплями дождя, то сейчас разразится потоп с громом и молниями.

– В течение пяти минут, – рявкнул невидимому абоненту товарищ полковник, грохнул трубку на рычаг и в несвойственной ему манере вскочил с кресла.

– Машина уже у ворот, а вы умудрились испортить пропуск, – грянул гром его голоса, и он двинулся прочь из кабинета, бросив на ходу Миле: – Идите к вам.

...Когда запыхавшаяся Мила вошла в приемную, товарищ полковник уже нетерпеливо маячил у ее стола.

– Правьте же быстрее!

Спустя две минуты выдержнув переделанный пропуск из принтера, он молниеносно его подписал и швырнул Миле на стол. Еще громче, чем в прошлый раз, печать была приложена к документу. Товарищ полковник демонстративно сложил руки за спиной и ледяным тоном отдал приказ:

– А теперь извольте как можно быстрее отнести пропуск на проходную. Поспешите, я буду ждать вас здесь.

Мила сжала губы в струну, чтобы не было видно, как они дрожат, деревянными пальцами с третьей попытки взяла листок пропуска и на негнущихся ногах двинулась к двери.

Уже в спину ей товарищ полковник добавил, будто сделал контрольный выстрел:

– И не забудьте, что вам еще предстоит объяснить причины вашего опоздания.

Во дворе у здания управления вовсю горланили воробьи, солнце рассыпалось в обычно угрюмых окнах главного корпуса. Кто-то окликнул ее, пожелав здоровья, она кивнула, не глядя, не вникая, кто это и только смотрела вперед и держала в пальцах листок пропуска, совершенно не чувствуя его. Раскачиваясь, приближалось приземистое здание проходной, и где-то за закрытыми воротами стоял подъемник, ожидая, когда его пропустят. А справа, прямо на фоне Большого дома висели два зеленых облака листвы и там тоже дрались воробьи. А внизу уже стояли мужики из ремонтно-механического и она увидела лежащую у их ног бензопи-

лу, и солнце золотило ее зубья. И тут что-то лопнуло у нее внутри, она остановилась и подняла к лицу листок пропуска. И потом, уже превратив его в мелкие клочья, и отшвырнув этот бумажный снег в сторону, она повернулась и пошла обратно в управление.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.